

1918 года. После захвата Германией значительной части Витебской и Могилевской губерний оставшиеся свободными от оккупации уезды превратились в прифронтовую зону. Осенью 1918 года активизировались антисоветские выступления кулачества. Поэтому усилили органы Советской власти были направлены на организацию отпора внешним интервенционистским силам и внутренней контрреволюции. И военно-мобилизационная деятельность комбедов стала важным звеном всей советской работы, всего военного строительства. «Строительство нашей армии, — указывал В. И. Ленин, — только потому могло привести к успешным результатам, что оно создавалось в духе общего советского строительства... Здесь мы видим ту же тонкую прослойку руководящего класса пролетариата и массу крестьянства»¹³. В. И. Ленин подчеркивал, что создание нового социалистического общества, создание Красной Армии должно базироваться на основе четких классовых отношений. А в определении этих классовых отношений свою роль сыграли и комитеты бедноты.

¹ См.: Борьба за Советскую власть в Белоруссии. — Минск, 1968, т. 1, с. 375.

² ГА Витебской обл. (ГАВО), ф. 1521, оп. 1, д. 833, л. 17.

³ Борьба за Советскую власть в Белоруссии, с. 392.

⁴ См.: Комитеты бедноты Белоруссии. — Минск, 1958, с. 522.

⁵ См.: Известия Витебского губсовета, 1918, 22 ноября.

⁶ См.: Из истории установления Советской власти в Белоруссии и образования БССР. — Минск, 1954, т. 4, с. 423; Борьба за Советскую власть в Белоруссии, с. 526; ГАВО, ф. 1582, оп. 1, д. 301, л. 36.

⁷ См.: Ф и х Б. М. Роль комитетов бедноты Витебской губернии в развертывании социалистической революции в деревне. — Минск, 1953, с. 19.

⁸ См.: Комитеты бедноты Белоруссии, с. 167—168.

⁹ См.: Космачев К. Н. Коммунистическая партия — руководитель социалистической революции в деревне. — Смоленск, 1970, с. 194.

¹⁰ ЦГАОР БССР, ф. 677, оп. 1, д. 29, л. 87, 88.

¹¹ ГАВО, ф. 5, оп. 1, д. 179, л. 243.

¹² См.: Селиванов П. А. Военная деятельность Советов Белоруссии 1917—1920 гг. — Минск, 1980, с. 113, 114.

¹³ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 40, с. 76—77.

Л. М. ШНЕЕРСОН

БИСМАРК И ЕГО ПРОТИВНИКИ В КАНУН АВСТРО-ПРУССКОЙ ВОЙНЫ 1866 ГОДА

Вскоре после победоносного завершения войны с Данией (1864) Бисмарк взял курс на провоцирование войны со своим бывшим союзником Австрией с целью добиться господства Пруссии в Германии. Непосредственным поводом для разжигания конфликта послужил вопрос о судьбе Шлезвига и Голштинии, отвоеванных у Дании. Бисмарк обнаружил явное стремление к аннексии этих герцогств, Австрия не хотела допустить усиления Пруссии и поддержала идею создания шлезвиг-голштинской монархии во главе с принцем Августенбургом.

Большинство немецких государств также придерживались программы создания шлезвиг-голштинского государства под управлением Августенбурга (Бавария, Саксония, Баден и др.) или Ольденбурга (Ганновер). Одним из главных центров агитации за Августенбурга была Бавария. Образовавшийся здесь «Союз помощи Шлезвиг-Голштинии» обладал большим влиянием. Саксонское правительство, возглавляемое Бейстом, было также упорным противником бисмарковской политики. Прусской дипломатии приходилось считаться с возможностью оживления «триады»: создания союза средних и мелких германских государств в качестве третьей силы Германии в противовес Пруссии и Австрии. Попытки такого сплочения делались. Так, летом 1865 года Саксония и Бавария согласились консультироваться друг с другом по поводу всех предложений, исходящих из Берлина и Вены¹. Сами по себе государства Германского союза были слишком слабы, чтобы успешно противостоять большому немецким державам, но, имея вместе 17—18 млн. человек населения, они представляли известную силу, которая становилась бы все влиятельнее по мере разрастания прусско-австрийского конфликта. Будучи противниками прусской аннексии герцогств, малые германские государства с одинаковым недовольством

смотрели и на затягивание с разработкой временного положения о совместном австро-прусском управлении герцогствами.

Против бисмарковских планов активно выступали демократические организации, особенно южногерманские. Так, вюртембергская Народная партия призывала к вооруженному нейтралитету средних и малых государств Германии и созданию союза этих государств на демократических началах для противодействия аннекционистским планам Пруссии и Австрии. Революционное крыло партии, главным образом группа Л. Эккардта и Л. Бюхера, делало ставку на широкое народное движение, которое способствовало бы превращению династической войны в революционную, народную войну, ведущую к демократическому объединению Германии. Пруссия была наиболее опасным врагом демократии, поэтому некоторые умеренные демократы считали, что в случае войны следует поддерживать Австрию как меньшее зло. В апреле—июне 1866 года в Вюртемберге состоялось 35 публичных собраний протеста против прусского проекта реформы Германского Союза и против войны. Подобные же выступления состоялись в Саксонии и ряде городов Северной Германии².

В свою очередь либеральная буржуазия Германии, группировавшаяся вокруг «Национального союза», усматривала в аннексии Шлезвиг-Гольштинии угрозу федеративному принципу, который она хотела положить в основу германских преобразований. Бисмарк не мог рассчитывать на единодушную поддержку своей политики даже в правящих кругах страны. Немногочисленная, но весьма влиятельная группировка крайних консерваторов феодального толка во главе с Людвигом фон Герлахом, главным образом, из остальбского кондового юнкерства, готовая аплодировать, когда Бисмарк, стуча кулаком по столу в ландтаге, извергал угрозы по адресу «взбунтовавшейся» прогрессивной оппозиции, вставала на дыбы, как только речь заходила о бисмарковской программе объединения Германии, чужа в этом неизбежное ущемление легитимизма, опасность растворения прусской монархии, со всеми милыми юнкерской душе реакционными атрибутами полуабсолютизма и полуфеодализма, в германской совокупности, внутри которой существовало сравнительное разнообразие политических и экономических условий.

Прусские феодалы предвидели необходимость уступок другим классам в процессе объединения, им претили бонапартистские замыслы Бисмарка. Хорошо осведомленный в германских делах французский посланник при Германском сейме, граф Рекюло, писал из Франкфурта, что «феодальная партия (Пруссия — Л. Ш.) прежде всего хочет согласия с Австрией, чтобы предпринять совместно с ней и при посредничестве самого сейма меры, предзнаначенные сдержать продолжающийся прогресс демократии в Германии³. Консерваторы считали, что новая национальная конституция неизбежно будет пропитана либеральным духом. Они искали возможности сохранить единство Пруссии и Австрии в рамках Германского союза, разделив между ними сферы господства: Пруссия — на Севере, Австрия — на Юге.

Германскую политику Бисмарка в этот момент не одобряли многие из подчиненных ему дипломатов: посланник во Флоренции Узедом, посол в Англии Бернсторф, не стеснясь твердивший в Лондоне о неизбежности провала «революционного» курса своего шефа, военный атташе в Вене граф Гребен, который саботировал выполнение шпионских заданий как закоренелый легитимист, не допуская мысли о войне с Австрией. Активнее всех этих оппонентов прусского президента-министра был его старший противник и конкурент граф Роберт Гольц, принявший от Бисмарка пост посла в Париже и не терявший надежды заменить его на посту первого министра. Консерватор, умело использовавший в подходящий момент весьма умеренную либеральную фразеологию, Гольц обладал значительным влиянием в придворных кругах, особенно в окружении королевы Августы (супруги короля), оппозиционном Бисмарку.

Гольцу была не по нутру резкая политическая манера Бисмарка, его пренебрежение условностями, открытая апелляция к силе и «вульгарно-уличная» демагогия. «Этот человек, — писал Гольц, — не может держаться спокойно, постоянно кокетничает с красными, чтобы иметь возможность опереться против короля на парламентское большинство, и при этом обладает настолько дурными манерами, что никакой иностранный дипломат не может с ним долго ужиться»⁴.

В разгаре шлезвиг-гольштинских осложнений с Австрией Гольц, обращаясь к королю через голову министра, утверждал, что Пруссия должна

держаться духа Германского союза и добиваться единства и гегемонии, привлекая на свою сторону германское общественное мнение и сплачивая вокруг себя мелкие государства с помощью популярной политики. Гольц откровенно злорадствовал в надежде, что Бисмарк наконец сломает себе шею и внушал королю, что Пруссия не может рисковать войной с Австрией. Хотя Гольц тоже был сторонником аннексии герцогств, но в отличие от Бисмарка хотел любой ценой избежать войны с Австрией.

Бисмарк в письме Гольцу доказывал, что Пруссия, если она хочет достичь цели, должна быть «прежде всего великой державой, а потом уже союзным государством». Она укрепитя «не на основе политики, опирающейся на палаты и прессу, а на основе великодержавной политики вооруженной руки»⁵. Почему же Бисмарк, несмотря на все, не поднимал вопроса о лишении Гольца его поста? «Все, кто работал под руководством Гольца в Париже в 1866 году — Эберхард Сольмс, Иозеф Радовиц, Александр Лейнер и Вальтер Лое, говорили мне, — пишет в своих мемуарах Бюлов, — что если Франция оставалась в тот момент нейтральной столько, сколько нам было нужно, то это заслуга главным образом Гольца, который, чтобы удержать Францию от вмешательства накануне Садовой, энергично и умело использовал свой большой кредит у Наполеона III, императрицы Евгении и принца Жерома Наполеона, а также свои многочисленные связи в обществе и прессе»⁶. Кроме того, на посольском посту во Франции Гольц был менее опасен Бисмарку как политический соперник, чем находясь не у дел в Берлине.

Влияние оппозиционных Бисмарку консервативных кругов усиливало колебания короля, его нежелание идти вразрез с мнением германских монархов и покидать привычную почву мелочных германских интриг ради рискованных экспериментов, отдающих в представлении Вильгельма «дурным» привкусом «революционности». Кропшниц тоже настраивал отца против бисмарковских планов.

Прогрессистское большинство нижней палаты ландтага отказалось признать издержки датской войны и не одобряло предстоящую войну с Австрией. Но постепенно среди прогрессистов ввиду соблазнительной перспективы расширения прусских границ началось расслоение. Бисмарк умело использовал его.

Несколько депутатов высказались в защиту Августенбурга, но большинство финансовой комиссии, предлагая отклонить вотирование военных расходов, предпочло не высказывать никакого мнения о судьбе герцогств. Это было уже полупобедой Бисмарка, молчаливым непротивлением его планам. Затем при обсуждении предложения комиссии представители правого крыла ландтага потребовали присоединения герцогств и некоторые прогрессисты (Михаэлис и др.) поддержали их мнение.

Бисмарку приходилось считаться с зарождением самостоятельного классового пролетарского движения. Эффект пролетарской борьбы ослаблялся отсутствием пролетарской партии, раздробленностью сил рабочего класса. Лассальянство тянуло его на реформистский путь. Но это движение перехлестывало сектантские рамки лассальянства и представляло несомненную опасность для юнкерства и буржуазии. Германские рабочие поддержали борьбу за независимость Шлезвига и Гольштейна от Дании. Это соответствовало национальным интересам Германии, но они были и против поглощения герцогств Пруссией. В это время наблюдается рост антивоенных настроений среди рабочих Берлина. 15 апреля 1866 года в Берлине прошел митинг, на котором 2 тыс. рабочих приняли резолюцию, осуждающую милитаризм, великопрусские планы и аннексионистскую политику. Раздавались призывы к вооружению народа. Неутомимую агитацию за создание антибисмарковского фронта вели в рабочих и демократических кругах Саксонии Вильгельм Либкнехт и Август Бебель. Им удалось привлечь к этой борьбе и некоторую часть лассальянски настроенных рабочих.

Таким образом, Бисмарк, готовя войну с Австрией, сталкивался с серьезными трудностями. Но германская буржуазия в конечном счете поддержала его, нуждаясь в объединении страны и боясь одновременно, чтобы это объективно назревшее объединение не осуществилось революционным путем. Силы германской демократии и рабочее движение не были еще достаточно зрелыми, им не хватало сплоченности и ясности понимания задач. Все это в конечном счете предопределило успех бисмарковских замыслов.

¹ Донесение французского посланника из Дрездена, 17 июля 1865 г.— Les Origines diplomatiques de guerre 1870/71: Recueil de documents public par la ministere des affaires eirangeres, vol. VI.— Paris, 1914, № 1453.

² Deutsche Demokraten: Die nichtproletarischen demokratischen Kräfte in der deutschen Geschichte 1830 bis 1945 / Von einem Autorenkollektiv unter Leitung von Dieter Fricke.— Berlin, 1981, S. 59.

³ Донесение от 24 ноября 1865 г.— Les Origines... vol. VII, № 1679; См. также: Ritter G. Die preußischen Konservativen in der Krisis 1866.— Heidelberg, 1912, S. 136.

⁴ Stolberg-Wernigerode O. Robert H. Graf von der Goltz-Oldenburg, 1941, S. 101.

⁵ Бисмарк О. Мысли и воспоминания.— М., 1940, т. 2, с. 3—8.

⁶ Bülow B. Denkwürdigkeiten, Bd. IV.— Berlin, 1931. S. 59.

И. Л. ВЕЛИЧАНСКИЙ

В. И. ЛЕНИН О КЛАССОВОЙ СУЩНОСТИ БУРЖУАЗНОГО ПАРЛАМЕНТАРИЗМА

Политическую жизнь капиталистических государств сегодня невозможно представить без парламентаризма. Возникнув в ходе европейских буржуазных революций XVII—XIX веков, эта система государственного управления стала традиционной и ныне активно используется правящим классом для придания своему господству видимости «общенациональной поддержки», для сохранения идеологического влияния среди населения. До сих пор широкие слои трудящихся стран капитала все еще убеждены, что парламент является действительным представительством народа, не осознают классовой роли этого учреждения. Отсюда и постоянная актуальность для международного коммунистического движения разоблачения подлинной сущности парламентаризма. Опыт классовой борьбы подтверждает, что ни одна серьезная проблема современного революционно-го процесса не может быть решена без обращения к ленинскому теоретическому наследию.

В период борьбы за создание партии, разработки программных положений социал-демократии В. И. Ленин проанализировал значение парламента в европейских странах, определил место будущего общероссийского народного представительства в государстве после свержения самодержавия. По его мнению, такое представительство должно провозгласить буржуазные политические свободы, что, в свою очередь, облегчит революционерам задачи классового воспитания трудящихся. Такое законодательное учреждение позволит народным массам влиять на государственные дела через своих депутатов. Вместе с тем В. И. Ленин предостерегал от переоценки роли парламента, что имело место во всех буржуазных революциях Европы, из которых «...рабочий класс вышел с разочарованием, ибо входил в них с буржуазно-демократическими иллюзиями»¹.

Революция 1905 года, резко ускорившая политическое развитие России, выдвинула на одно из первых мест вопрос о созыве всенародного учредительного собрания. Большевики активно поддерживали это программное требование, которое означало полную и окончательную ликвидацию самодержавия, передачу всей власти в руки собрания—этапа на пути установления пролетарской диктатуры. Буржуазия также выступала за создание высшего представительного учреждения России. Но ее противоречивое классовое положение между самодержавием и пролетариатом определило совершенно иные цели: «Буржуазия хочет парламентаризма, чтобы обеспечить господство капитала, а не бюрократии, и в то же время она хочет монархии, постоянного войска, сохранения известных преимуществ бюрократии, чтобы не дать революции дойти до конца, чтобы не вооружить пролетариат, — понимая под вооружением и непосредственное вооружение оружием, и вооружение полной свободой»². Не случайно после Всероссийской октябрьской политической стачки, вынудившей самодержавное правительство пойти на некоторые конституционные уступки революционному движению, буржуазия довольствовалась участием в работе совещательного органа при царе, какими были I, а затем и II государственные думы.

Революция 1905 года показала, что буржуазия признает парламентаризм, пусть даже в урезанном виде, в качестве единственного способа руководства обществом. Объясняется это тем, что такая система государственного управления гарантирует политические позиции буржуазии, ма-